

Сергей ЛЕСНОЙ

ИСТОРИЯ РУССОВ

СЛАВЯНЕ
ИЛИ НОРМАННЫ?

Неведомая Русь

Сергей Парамонов

**История руссов.
Славяне или норманны?**

«ВЕЧЕ»

1960

Парамонов С. Я.

История руссов. Славяне или норманны? / С. Я. Парамонов — «ВЕЧЕ», 1960 — (Неведомая Русь)

Вопрос о происхождении русского государства и его культуры, вопрос становления Киевской Руси и возникновения Руси Новгородской, истоки славянской общности, языка и государственности, – вот главные темы, на протяжении многих лет интересовавшие русского эмигранта, биолога-энтомолога Сергея Яковлевича Парамонова (литературный псевдоним Сергей Лесной). В своих работах («Слово о полку Игореве», «Откуда ты, Русь?», «Влесова Книга», «Пересмотр основ истории славян» и др.) он аргументированно, с привлечением многочисленных источников, разоблачает устоявшиеся мифы древней русской истории. Издательство предлагает вниманию читателей первый том самого известного труда С. Лесного «История руссов в неизвращенном виде», изданного в 10 выпусках за собственный счет автором в 1953–1960 гг. В настоящем томе С. Лесной исследует вопросы взаимоотношений Древней Руси с ее соседями – Византией и Скандинавией, истории призвания варягов на Русь и раннего христианства на Руси. Почему новгородцы стали называться «русью»? Была ли княгиня Ольга славянкой? Какие скандинавские имена и названия можно найти в русских летописях? Существовало ли христианство на Руси до Владимира? Когда писалась первая русская летопись? Вот лишь некоторые из вопросов, затрагиваемых автором.

© Парамонов С. Я., 1960

© ВЕЧЕ, 1960

Содержание

Стремление к исторической справедливости	6
Краткие биографические сведения	11
Часть I	21
От автора	21
1. О первой странице истории руссов	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Лесной

История руссов. Славяне или норманны?

© Кравцов А.Н., предисловие, 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Стремление к исторической справедливости

История борьбы норманизма и антинорманизма может претендовать на отдельное особое исследование. К сожалению, на сегодня нет ни одного очерка, ни одной книги, ни одного обзора, целиком посвященных этой теме. Даже соответствующую библиографию порой найти затруднительно. История же их противостояния уходит своими корнями глубоко в прошлое.

Как известно, еще Михаил Ломоносов на фоне всеобщего восторга идеями норманизма высказывался резко против них. Но мало было еще образованных людей на Руси в тот момент, чтобы прислушаться к его идеям, чтобы поддержать его. По-настоящему образованных. Опять же свое учение почти все они получали в Европе – в Италии (Феофан Прокопович), Франции (Василий Третьяковский), Германии (Михаил Ломоносов).

Сейчас сложно сказать, когда точно зародилась норманская теория. Известно лишь, что уже к первой половине XVI в. она существовала. При этом считается, что первым антинорманистом был иностранец Зигмунд Герберштейн (1486–1566), который, ознакомившись с содержанием норманской теории, высказал в 1549 г. мысль, что это было не так, что руссы пригласили к себе не германцев, а западных славян. Были и другие иностранцы, высказывавшиеся против норманистов. Но русских антинорманистов, увы, не было, ибо до Петра I русская наука как таковая не существовала. В сущности, настоящий научный спор начался с Ломоносова, но он не решился в его пользу, так как на то были веские причины.

Среди русских исследователей, всерьез увлекавшихся теорией антинорманизма, стремившихся изыскать правду, доказать истинное происхождение Руси-России, видное место занимает ученый с мировым именем, доктор наук Сергей Яковлевич Парамонов, писавший под псевдонимом Сергей Лесной. Так сложилось, что после 1945 г. он проживал за пределами Советской России, и потому его основные труды по истории Древней Руси не были известны широкому читателю на родине. Они были опубликованы большей частью в Париже в 1950—1960-е гг. Интерес к его книгам заметен уже потому, что после 1990 г. в России часть их была переиздана несколько раз. К сожалению, практически все переиздания грешили теми или иными неточностями, опечатками, редакторскими правками оригинального текста, не всегда сохранявшими стилистику и особую манеру изложения С. Я. Парамонова. Лишь в этом, 2011 г., московское издательство «Вече» впервые опубликовало его труд «Русь, откуда ты?» «в ее изначальном виде, без тех сокращений (или даже просто упрощенных пересказов отдельных глав), которые имели место во всех ее российских изданиях последних двух десятилетий»¹. Настоящим изданием работы С. Я. Парамонова (Лесного) «История руссов...» издательство «Вече» продолжает знакомить российского читателя с ученым, «чье наследие нам еще предстоит открыть и понять»². Оригинальное издание вышло в 10 томах небольшими тоненькими книжками в Париже в 1953–1960 гг. С. Я. Парамонов выпускал их в таком виде, так как на каждое издание кропотливо собирал собственные средства и публиковал их за собственный счет. Не имея достаточных доходов, он всякий раз предупреждал в предисловиях к предыдущим томам, что последующие могут и не выйти ввиду стесненности в средствах. Однако каждый тираж с успехом раскупался, что свидетельствует о необычайном интересе к данной теме в среде русского зарубежья тех лет. Издательство «Вече» скомпоновало все 10 авторских выпусков вместе и выпускает их для удобства читателей в виде нескольких томов. Насколько нам известно, это первое издание в России данной книги в научном виде, с предисловиями и комментариями специалистов.

---

¹ Лесной С. Русь, откуда ты? М., Вече, 2011. С. 4–5.

² Там же. С. 4.

Как пишет в своих статьях в периодике С. Я. Парамонов³, предваряя ими выход своей «Истории руссов», долгое триумфальное шествие норманизма объясняется в первую очередь официальным давлением, опиравшимся на науку и власть, и слабостью антинорманизма, поддерживаемого лишь отдельными лицами и представлявшего собой разношерстную смесь разных теорий. Русская традиция уже к XVI в. утратила понятие о существовании в прошлом Западной Руси, окончательно прекратившей свое существование на острове Рюгене в 1168 г.; связь ее с Восточной Русью была всеми утрачена, ее исторические следы также были утеряны. Поэтому, когда при Петре I в Россию были приглашены ученые немцы, чтобы создать русскую науку, последние уже столкнулись с норманской теорией, исповедовавшейся самими русскими. Приступив к изучению начала русской истории, немцы-академики и профессора, естественно, поддержали своим высоким авторитетом теорию, которая к тому же льстила их национальному чувству. Создался известный стереотип, против которого мог выступать разве только невежда либо заядлый «русский шовинист». Таким образом, норманизм получил высокую апробацию Академии наук. Удивительно ли после этого, что все свои старания новоиспеченные академики направляли на изыскание свежих подкреплений норманизма, лавина которого все нарастала, подавляя инакомыслие. Первый русский историк В. Н. Татищев занял неясную позицию, одновременно принимая славянское происхождение Рюрика и настаивая на том, что «варяги» были главным образом финны из-за Ладожского озера. Карамзин же, увы, был уже не колеблющимся, вполне определенным норманистом. Самые крупные первые исторические труды продолжали распространять в русском просвещенном обществе только идеи норманизма. Антинорманисты были гораздо слабее и количественно, и качественно. Если бы они были идейно сплочены, то норманизм был бы опрокинут очень скоро, ибо он держался на глиняных ногах. Порой критика норманизма была убийственна. Но норманизм держался потому, что антинорманисты предлагали еще менее вероятные теории. Например, о том, что руссы были гуннами, готами, кельтами, пруссами и т. п. Разумеется, при таком положении дел общество, даже сознавая все недостатки норманизма, не могло стать на сторону совсем уж нелепых теорий.

Было еще одно обстоятельство, заставлявшее русское общество настороженно относиться к славянской теории происхождения Руси. Существовало так называемое движение «славянофилов», течение политическое. Не все могли согласиться с ними, что руссы идут и должны идти своей собственной, едва ли не изолированной дорогой, что европеизация вредна. Словом, к славянской теории происхождения Руси была добавлена политическая теория, которая многими просвещенными людьми не могла быть принята. От нее пахло ретроградством, рабством и невежеством, хотя она и обладала некоторыми положительными чертами.

В начале XX в. русская историческая мысль пришла к следующим выводам: «Для нас было покрыто густой тьмой происхождение Русского государства, и обитатели нашей страны в древние времена – и не только до Р. Х., но и в течение 8 столетий спустя – оставались нам вполне неизвестными. Таким образом, вся история России являлась могучим, ветвистым и пышным деревом – будто без корня. Чтобы дать какое-нибудь начало нашему несомненному существованию, мы придумали полусказочное предание о призвании русским народом трех братьев, будто бы шведов или норманнов, для управления нами, так как мы сами, славяне, себе не умели, дескать, устроить прочного государства. А вместе с тем на почве этой сказки выросло государство не скандинавское, а чисто русское. Ведь это все равно, как если бы мы, не видя корней прекрасного, густолиственного растения, далеко спрятанных в земной глубине, сочли бы цветущим и разрастающимся без корня. Так же невероятно думать, что русский народ окреп и вырос как бы без почвы – благодаря норманно-шведской прививке. Больно, обидно и странно упорствовать в таком мнении»⁴. Но затем настала Первая мировая война, а за ней

---

³ Лесной С. Кто создал Древнюю Русь, славяне или германцы? Возрождение. № 108. Париж, 1960.

⁴ Мятлева Т. П. Происхождение самобытной русской народности и Россия в стародавние времена до образования Русского

революция. Прошло много лет, пока специалисты смогли вернуться к прерванным исследованиям. Новые советские историки, такие как Греков, Тихомиров, Насонов, Третьяков, Мавродин, Левченко, блестяще доказали, не без помощи археологии, что корни русской культуры совершенно самобытны, что нет оснований говорить о влиянии норманнов. Однако в вопросе о государственности, о династии, возглавлявшей Киевскую Русь, они признавали династию норманнской, но не славянской.

В этом столетии норманнская теория стала еще и краеугольным камнем обоснования превосходства Запада над русским народом, используемого русофобами всех мастей. Многие историки русского зарубежья отмечали пагубность норманизма, возникшего когда-то в угоду политическим целям и вытаскиваемого всякий раз для опять-таки политических целей. Так, например, для обоснования второсортности славянского этноса на эпизод о призвании варягов ссылались и Гитлер, и Геббельс. В то же время, несмотря на крайне неблагоприятные условия для исследовательской работы в зарубежье, в эмиграции появились книги и множество журнальных и газетных статей, в которых различные авторы (Ю. Миролюбов, А. Кур, Н. Ильина, С. Лесной, В. Рязановский) продолжали прежнюю линию в отношении Древней Руси. И здесь следует упомянуть три важных работы.

«Обзор русской культуры» В. А. Рязановского (в 2-х томах. Нью-Йорк, 1947–1948), в одном из разделов которой разбирается положение современного норманизма, критика которого подкреплена новейшими литературными открытиями. В своем письме автору русский философ И. А. Ильин писал: «Прежде всего, спасибо Вам за направление Вашей мысли, которую я вполне разделяю. Давно пора сбросить этот Шлёцеровски-байеровский гипноз, который странно заморозил русских историков»⁵. «Изгнание норманнов» Н. Н. Ильиной (Париж, 1955), которая, безусловно, замечательна своим подбором сведений против норманизма, в пользу славянской теории. «Хотя она и не содержит оригинальных данных, но является тщательным и талантливым подбором фактов, собранных более старыми антинорманистами. Общие же соображения автора местами блестящи», – писал С. Лесной⁶.

И, наконец, «История руссов в неизвращенном виде» С. Лесного (Париж, 1953–1960), где изложение не носит систематического характера. Как уже было сказано, автор постепенно публиковал то, что выяснялось для него окончательно. Даже в первой половине 10-го окончательного выпуска еще не было заявлено положение, завершавшее труд и проблему. Вместе с тем внутренне работа систематична, поскольку излагает факты с постепенным их нарастанием. С одной стороны, подбираются возражения на доводы норманистов и их опровержение. С другой – собираются доказательства того, что «Рюриковичи» были западными славянами. Таким образом, норманнская теория опровергается документальными данными и доказывается справедливость славянской.

В том же «Возрождении» (№ 112, апрель 1961) помещена статья некоего В. Р. «О работе С. Лесного по русской истории». Этот небольшой критический разбор очень интересен потому, что автор пишет как много лестного, так и сурового по отношению к С. Лесному. Хотелось бы его процитировать.

«Недавно вышел десятый и последний выпуск – Истории руссов в неизвращенном виде – С. Лесного. Автор ее С. Лесной (д-р С. Я. Парамонов), естественник по образованию, давно занимается вопросами истории, гл. обр. вопросами древней русской истории. Условия, в которых он работает, не легки. Живет он в Австралии, пишет по-русски, печатает свои работы в Париже (на свой счет из своих заработков) и отыскивает источники почти по всему свету. В предисловии к X выпуску своей Истории руссов автор упоминает о пятнадцатилетней работе.

государства. В 3-х выпусках, 1911.

⁵ Полторацкий Н. П. Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение. Hermitage, 1989.

⁶ Лесной С. Кто создал Древнюю Русь, славяне или германцы? Возрождение. № 108. Париж, 1960.

Едва ли эта цифра преувеличена... Главный вопрос, который интересует г. Лесного и который он не рассматривает целиком в одном-двух выпусках своей работы, а возвращается к нему почти во всех своих выпусках по разным отдельным вопросам, входящим в его состав, это – спор так наз. историков норманистов с антинорманистами по вопросу происхождения русского государства и его культуры. С. Лесной – яркий антинорманист. Он рассматривает первое русское государство, так наз. Киевскую Русь и его культуру, как создание восточных славян, а не группы выходцев с севера – норманнов. Действительно, так наз. норманская теория происхождения русского государства и его культуры была создана в XVIII в. академиками Байером и Шлёцером и поддержана многими историками и филологами первой половины XIX ст. на основании состояния русской науки того времени. Однако со второй половины XIX ст. с развитием русской истории, филологии, этнографии, географии и нек. др. научных дисциплин эта теория все более теряет почву под ногами... Необходимо отметить, что рецензируемая работа г. Лесного содержит и недостатки. Основным из них мы считаем не мелкие ошибки; некоторые из них сам автор исправляет в последующих выпусках. Главным недостатком мы считаем тон его работы, в особенности в отношении инакомыслящих – тон резкий и местами грубый (см. напр. вып. 5, стр. 537, вып. 7 – 776). Встречаются выражения: стыдно, позорно, легкомысленно. И когда друзья автора обратили его внимание на резкость его тона, он сослался на Ломоносова (7 – 772). Жаль, что автор забывает, что мы живем не в XVIII ст., а двести лет спустя. Манера его обращения с инакомыслящими, а иногда огульно со всеми историками, несомненно может только повредить автору в том общественном мнении, к которому он апеллирует против ученых специалистов (X – 1052). Нападает автор и на метод, которым историки пользуются в своих трудах, но ничего взамен не предлагает, кроме советов, которые одинаково относятся к гуманисту и натуралисту при всяком методе научной работы. Именно, нужна точность, объективность, логика, самодисциплина (9 – 985). Несомненно, История руссов выиграла бы, если бы г. Лесной сам не забывал свой последний совет. Между прочим, сам он в своей работе пользуется историко-сравнительным методом, которым обычно пользуются современные историки.

В заключение можем сказать, что если читатель сможет преодолеть указанные недостатки, он найдет в *Истории руссов*... немало интересного материала по древней русской истории»⁷.

Я позволил себе столь длинную цитату, чтобы со ссылкой на более авторитетного в вопросах истории специалиста снять неким образом с себя ответственность за исторические «измышления», которые нет-нет, да и проскакивают в моих рассуждениях. Пожалуй, стоит согласиться с выводами и мнением В. Р., как в отношении новизны взгляда Лесного, так и касательно его резкого тона. Мне как человеку, далекому от университетской кафедры исторического факультета, оставалось лишь процитировать В. Р. в его отношении к Лесному. На мой взгляд, это достойная характеристика и примечательное анонсирование его труда для любого заинтересованного читателя. Ведь представляемая ныне книга С. Я. Парамонова (Лесного) – попытка сообщить лишь основные вехи этой борьбы и вскрыть причины столь долгого спора, ибо без этих разъяснений читатель будет в недоумении: почему этот спор длился так долго, неужели нельзя было выяснить столь простую истину более своевременно?

В своем же предисловии, абстрагируясь от тональностей Лесного в его книгах и не рассматривая его в качестве специалиста-историка, я именно хотел показать Сергея Яковлевича как человека с трудным и серьезным жизненным опытом, но вместе с тем и как ученого с обширным багажом знаний. Хотел, чтобы он предстал перед вдумчивым читателем, прежде всего, значительной фигурой биолога и дерзкого в своих воззрениях русского патриота, в лучшем смысле этого слова. Буду рад, если мне это удастся.

---

⁷ В.Р. О работе С. Лесного по русской истории // Возрождение. № 112. Париж, 1961.

* * *

Немного осталось заметок, записей, очерков, так или иначе связанных с именем Сергея Лесного. Не оставил он и мемуаров, воспоминаний. Не до того ему было, много читал, много размышлял, исследовал на тему Древней Руси, писал статьи в периодику, собирал материал для новых публикаций, книг. Именно эмигрантская пресса, а в особенности журнал «Возрождение», постоянным автором которого Лесной был на протяжении 15 лет, дает практически единственный небогатый материал о нем. В этом издании, выходявшем в Париже с 1949 г., и заявленном как литературно-политический журнал, он начал впервые публиковаться как автор не только научных статей. Не осталось также практически никаких иных свидетельств или воспоминаний о нем, воспоминаний его друзей, сослуживцев, единомышленников. Тем любопытнее была работа по поиску таких материалов. Тем интереснее оказались находки.

В 2004 г. в Австралийском национальном университете (г. Канберра) вышла книга об истории так называемого Университетского Дома (University House) – дома, построенного специально для профессорско-преподавательского состава университета.

«На примере пяти постоянных жильцов Университетского Дома – доктора наук, энтомолога Сергея Парамонова; профессора фармакологии Эдриена Альберта (Adrien Albert); доктора наук, математика Курта Малера (Kurt Mahler); писательницы Кристины Стэд (Christina Stead); и доктора наук, физика Маркуса Фоунса (Marcus Faunce), длительное время проживавших в нем, прекрасно проиллюстрирована одна из основных целей создания этого Дома – дать возможность ученым заниматься наукой, освободив их от домашних рутинных хлопот и забот, обеспечить им спокойствие и комфорт для их научной деятельности.

Один из самых ранних жильцов Дома, доктор Сергей Парамонов, был примечательной личностью. Высокий, с густой бородой, он покинул Россию в 1941 г., но все еще продолжал рассказывать о сталинизме. Специалист по летающим насекомым, работавший в Организации по Науке и Исследования Британского Содружества (CSIRO, аналог Академии наук – А.К.) в районе Блэк Маунтин (Black Mountain), он сначала поселился в Хэйвлок Хаусе (Havelock House) на Норсборн Авеню (Northbourne Avenue). А затем, когда открылся Университетский Дом (в 1954 году – А.К.), переехал в одну из здешних квартир. Это место явилось для него одновременно и лабораторией, и домом. У Сергея Яковлевича в то время уже были сложности с передвижением, и секретари из CSIRO приносили ему работу на дом один раз в несколько дней. На своем рабочем столе он постоянно держал микроскоп и экземпляры различных насекомых»⁸.

В Национальном архиве Австралии при деятельном участии историка Елены Говор мне удалось найти личное дело профессора С. Я. Парамонова за номером С77955. Оно содержит несколько любопытных страниц, повествующих нам о жизни и научной деятельности ученого в Австралии. В том числе резюме на английском языке, собственноручно отпечатанное Сергеем Яковлевичем на пишущей машинке.

---

⁸ Jill Waterhouse. University House. As They Experienced It. History 1954–2004. The ANU, Canberra, 2004.

Краткие биографические сведения

Проф. С. Я. Парамонов

Род. 21.10.1894 в Харькове (Украина). Сын лесника.

В 1912 г. окончил среднюю школу в Аккермане (Бессарабия) и поступил на физико-математический факультет (отделение естественных наук) Киевского университета, который окончил в 1917 г.

Его первые научные публикации состоялись, когда он был студентом, в «Орнитологическом вестнике» в 1915 г. (Первое орнитологическое издание, начало выходить в Петербурге в 1910 г. – А.К.)

Из-за революции эмигрировал в 1918 г., сначала в Бессарабию, и затем жил в Румынии, Германии, Польше и Франции как беженец с нансеновским паспортом. Работал в различных музеях Западной Европы, в особенности по теоретической (систематической) и прикладной энтомологии. Специалист по мухам, семейства двукрылых насекомых, имея универсальные знания по этой теме.

Автор более 100 научных работ в области орнитологии и энтомологии. Автор 7 монографий. Эти работы были опубликованы в Англии, Испании, Франции, Голландии, Германии, Швеции, Швейцарии, Австрии, Польше, России и Украине.

Член Орнитологического общества Киева с 1913 года, Энтомологического общества Киева с 1917, Общества Натуралистов Киева с 1917, Польского Энтомологического общества с 1925, Российского Энтомологического общества с 1925, Немецкого Энтомологического общества с 1929 г.

Его основная научная деятельность проходила в Польше, в г. Познань, где он был поначалу координатором Зоологического музея, а впоследствии хранителем и директором. По обстоятельствам семейного свойства в 1930 г. переехал в Париж, где преподавал зоологию в Русской гимназии и совмещал научную работу с опубликованием статей научно-популярного характера. Во время войны был арестован немцами и провел несколько лет в различных концлагерях (первый – в Бойчене, и последний – в Мюндене). По освобождении Британской армией вернулся в Париж к родным в начале июня 1945 г.

Как специалист по отряду летающих насекомых классифицировал насекомых для Императорского бюро энтомологии, Британского музея и Зоологических музеев Берлина, Гамбурга, Мюнхена, Вены, Варшавы, Познани, Львова, Ленинграда, Москвы, Каира, Тайваня (Формозы) и ряда других. Участвовал в отборной итоговой классификации насекомых для Стокгольмского музея по итогам экспедиции в Среднюю Азию и Китай известного путешественника Свена Гедина (Свен Андерс Гедин (1865–1952) – шведский путешественник, географ, журналист, писатель, график, общественный деятель. – А.К.)

В 1940 г. Академией наук Украины было присвоено звание доктора биологических наук за его монографию о семействе мух-жужжал (*Bombyliidae*). Помимо работы в систематизации двукрылых (*Diptera*), сетчатокрылых (*Neuroptera*) и др. работал в области прикладной энтомологии (особенно ветеринарной и сельскохозяйственной). Его монография об оводах, слепнях (*Gad flies*) была опубликована во Львове на украинском языке в 1940 г. (Парамонов С.Я. Шлункові оводи і боротьба з ними. К.-Львів, 1940. 128 с. – А.К.)

Также он выпустил библиографию работ по этой теме (*Zeitschrift für Angewandte Entomologie*, 1943).

Превосходно владеет русским и украинским. Легко читает и может говорить на французском, польском, немецком. Легко читает статьи по своей ограниченной профессиональной тематике на английском, румынском, итальянском и испанском.

Важность результатов его научных изысканий может быть оценена по упоминаниям его работ в различных научных источниках, как например, работы Е.О. Engelin Zinder. «Die Fliegen der palaarktischen Region, 1932–1936». 25. Fam. Bombyliidae (С. Парамонов ошибся в написании имени автора этого труда, точная библиография и правильное имя – Erwin Lindner. Die Fliegen der Palaarktischen Region. Stuttgart, 1934. – А.К.); а также: Е.Е. Austen. The Bombyliidae of the Palestine. British Museum, 1937; Hess. The Bombyliidae of South Africa. 1939, Annals of the South African Museum (С. Парамонов ошибся в написании имени автора этого труда, правильное имя А.Ж. Hesse. – А.К.).

Автор большого числа научно-популярных статей, опубликованных в газетах и журналах общего характера (не рассчитанных на специальный круг) по-польски, по-украински и по-русски.

С. Я. Парамонов.

Сухой стиль резюме преобразился в литературный, когда мне посчастливилось (опять же с помощью моей доброй знакомой, русского историка Елены Говор, проживающей в Канберре, и, к слову, работающей в том же Национальном университете, в котором занимался наукой профессор Парамонов) разыскать Игоря де Рачевильца. В 1950-е гг. они были дружны с Сергеем Яковлевичем. Господин де Рачевильц, филолог по образованию, согласился написать свои краткие воспоминания о Парамонове, за что я ему искренне признателен. В то время Игорь де Рачевильц учился в аспирантуре и занимался темой монгольской истории времен Чингисхана. Большинство его заметки дублировали вышеприведенное резюме, и потому я эти части пропустил, сосредоточившись лишь на новых для нас моментах.

«Отец Сергея Яковлевича был лесничим, и в детстве он много времени проводил на природе, в лесах Украины и Бессарабии, так что неудивительно, что позже он выбрал себе именно такой псевдоним – Сергей Лесной. Однако, использовал этот псевдоним лишь для публикаций вне науки, вне своего основного занятия. В 1912 году он окончил среднюю школу в Аккермане (Бессарабия) и поступил на физико-математический факультет (отделение естественных наук) Киевского университета, который с успехом окончил в 1917 г.»

Аккерман (ныне Белгород-Днестровский Одесской области Украины) был основан в 502 г. до н. э. греками – выходцами из Милета. С тех пор здесь находилась крепость, которую в разное время посетили «отец истории» Геродот, понтийский царь Митридат Евпатор, хан Ногай и султан Баязид (Баязет), древнерусские князья Кий, Игорь Старый, Олег, Святослав Игоревич. В ссылке в городе находились знаменитый древнеримский поэт Публий Овидий Назон, сосланный за вольнодумные стихи императором Августом, изгнанный заговорщиками император Византии Юстиниан II. В 1918–1940 гг. город находился под властью Румынии, а с 1941 по 1944 г. – под румынской оккупацией в составе Транснистрии. Как знать, быть может, стены столь древней крепости уже тогда навели молодого Сергея Яковлевича на размышления об истории Древней Руси и ее культуре.

«Из-за октябрьского переворота он вернулся в Бессарабию в 1918-м, а оттуда выехал дальше, и жил в Румынии, Германии, Польше и Франции, имея на руках нансеновский паспорт (документ беженца). Работал в различных музеях Западной Европы, специализируясь в теоретической (систематической) и прикладной энтомологии, в частности по мухам (Diptera) и по семейству двукрылых насекомых (Bombyliidae), в чем он со временем стал общепризнанным мировым авторитетом. В 1930 году он обосновался в Париже, где преподавал зоологию в Русской гимназии. Перед Второй мировой войной вернулся на Украину, где в 1940-м получил докторскую степень в Киевском университете и был принят на работу в Зоологический Институт Украинской Академии Наук в Киеве. В 1943 году он был депортирован в Германию, где содержался в различных концлагерях, сначала в Бойчене (Beutschen) и потом в Мюндене (Munden), откуда освобожден наступающей Британской армией».

В своем резюме, подававшемся, по всей видимости, для приема на работу в CSIRO (Австралийский Совет по Науке и Промышленным Исследованиям – аналог Академии наук), Парамонов почему-то пропустил свое пребывание и работу в Советской Украине, указав, что «основная научная деятельность проходила в г. Познань», куда он в действительности попал лишь в 1943 г., когда нацисты решили перевезти туда уникальную коллекцию киевского Зоологического музея.

Как указано в исторической справке об этом музее, «в Киеве Зоологический музей начал работать в 1919 г. и сразу стал главным хранилищем зоологических коллекций страны. Во время войны из музея было вывезено множество ценных коллекций. Позже, некоторые из них удалось найти. В Познани были найдены и возвращены коллекции птиц и бабочек, в Кенигсберге – насекомых, в Хальсберге – жуков».

Судя по всему, немцы отправили коллекции Зоологического музея АН Украины вместе с ее хранителем, С. Я. Парамоновым, в Познань, где он и находился по 1944 г. Свидетельством его нахождения там, помимо его собственного резюме, – еще и публикация его статьи в немецком научном журнале «Zeitschrift für Angewandte Entomologie» в 1944 г. – Prof. Dr. S.J. Paramonow. Die wichtigste Literatur über die Biologie, Bekämpfung, veterinäre und medizinische Bedeutung der Pferdedasselfliegen (Gastrophilus – Arten) Volume 30, Issue 4, pp. 645–660. В статье имеется ссылка на адрес, по которому можно обращаться к автору – Forschungszentrale, Dienststelle Posen, Friedr. Nietzsche Strasse, 2. Таким образом, видно, что в 1944 г. Парамонов все еще находился в Познани, на территории оккупированной Польши. И уже оттуда был заключен в концлагерь. Почему же Сергей Яковлевич пропустил в резюме столь важный факт своей биографии, как пребывание и работу в СССР? По-видимому, на то были свои причины. И прежде всего, потому что работа биолога в Австралии требовала командировок в удаленные территории, которые после войны 1941–1945 гг. часто оказывались под особым военным управлением, засекреченными. Профессор Парамонов элементарно опасался, что его советское прошлое воспрепятствует научной деятельности в Австралии. И к тому есть доказательства в виде переписки между CSIRO и Секретной Службой Австралии (Commonwealth Investigation Service) в декабре 1948 г., касающиеся доступа С. Парамонова в определенные закрытые районы Северных Территорий Австралии. Однако он и не предполагал, что запрос о его персоне был направлен в Британскую разведку, откуда под грифом «Секретно» в июле 1947 года пришел пространный ответ. Да и откуда было ему знать, что практически все иностранцы автоматически попадали под подозрение в тогдашней Австралии. А уж тем более – оказавшиеся так или иначе вовлеченными в недавний мировой конфликт.

Игорь де Рачевильц продолжает свой рассказ: *«Вскоре после освобождения Парамонов выехал в Париж в поисках работы. Уже тогда он был известен CSIRO как ведущий ученый-энтомолог. Они предложили ему работу в Департаменте Энтомологии, и Парамонов прибыл в Австралию 14 марта 1947 года».*

Из немецкого плена Сергей Парамонов переехал в Париж к родному брату Алексею. Затем, уже получив приглашение в Австралию, он сел на морской лайнер «Asturias», ходивший в Австралию из британского Саутхэмптона (Southampton), и через 5–6 недель оказался в Сиднее. Его маршрут проходил через Мальту, Суэцкий канал, Аден и Коломбо, о чем Сергей Яковлевич написал стихотворение «В Индийском океане».

«Поселился в Канберре. Вначале он разместился в Актон Хаусе, затем переехал в Хэйвлок Хаус, а в начале 1950-х – в Университетский Дом, который был удобно расположен, всего в 15 минутах ходьбы от его конторы в CSIRO в Блэк Маунтин. Там он и работал в качестве систематиста, специализируясь на двукрылых насекомых до своего ухода на пенсию, в 1959 г. Однако, и позднее он все еще продолжал трудиться для науки из дома, до самой своей кончины (случившейся из-за отказа почек) в 1967 г. Его научная деятельность в те годы была возможна в большой мере благодаря помощи его ассистентки Сельмы».

То, что я помню из рассказов самого Сергея Яковлевича, его отец умер рано. Но мать жила долго, на Украине, еще до конца 1950-х гг. Парамонов регулярно высылал ей продуктовые посылки через специальную международную службу.

Сергей Яковлевич никогда не был женат и не имел детей. Помимо родных русского и украинского, владел несколькими языками, в том числе немецким, французским, польским и румынским. По прибытии в Австралию, он мог читать по-английски, но его разговорный был очень плохой. Однако, он интенсивно занимался языком и спустя 2–3 года владел им уже свободно.

Кроме увлечения насекомыми, профессор Парамонов был также заядлым орнитологом и частенько уходил гулять с огромным биноклем, чтобы наблюдать за птицам. Однако, фотокамеру использовал крайне редко».

Иллюстрацией к последним строкам могут служить «Заметки натуралиста в Австралии», публиковавшиеся в парижском «Возрождении» в 1963 г. Их стоит прочесть хотя бы затем, чтобы увидеть, с какой нежностью и любовью рассказывает Сергей Яковлевич о птице-флейте, столь распространенной в городах Австралии. На ту же тему он писал, вспоминая своего близкого знакомого, академика Петра Кузьмича Козлова (1863–1935). С Козловым он познакомился в 1922 г., когда находился в Петрограде в командировке от Украинской академии наук, сотрудником которой состоял. Испытывая огромное желание поехать в новую экспедицию в Монголию и Китай вместе с Козловым, Парамонов рассказывает о себе как о кандидате в такую поездку. Перед нами предстает сам рассказчик, Сергей Яковлевич, страстный охотник и в то же время любитель природы: *«Мне было 28 лет, я был охотником, стрелявшим неплохо и дробью, и пулей, был отчасти орнитологом (что особенно интересовало Петра Кузьмича, ибо из всех групп животных он больше всего любил птиц), умел сдирать шкурки с птиц и зверей, знал довольно прилично насекомых и способы их коллекционирования и хранения, имел некоторый опыт в экскурсиях и вообще был квалифицированным зоологом. Я не пил и не курил, что Козлов особенно высоко ценил. Наконец, для добычи научного материала я готов был лезть и в огонь, и в воду. Были и крупные минусы: я не был военным, плохо ездил верхом, не знал местных языков, не отличался особенной физической силой и опыта больших путешествий не имел, наконец, был упрям и умел “показывать зубы”. В ходе подготовки путешествия они сдружились, и в общем, все шло успешно, однако, поехать на Восток Лесному так и не удалось. К сожалению, он внезапно сильно заболел “испанкой” и, разумеется, о таком путешествии уже не мог помышлять в ближайшем будущем»⁹.*

На основании недавно изданных обширных томов «Истории Национальной Академии Наук Украины» (Киев, Наукова Думка, 1993. Киев, НБУВ, 1998. Киев, 2003) можно проследить характер деятельности и годы его научной работы в Советской Украине. В разделе за 1922 г. (Том «1918–1923», с. 341) С. Я. Парамонов числится как специалист Зоологического музея. В 1926 г. он занимался сбором научного материала для Российской академии наук, Московского университета и др. (Том «1924–1928», с. 252). В 1927 г. С. Я. Парамонов в качестве научного сотрудника Зоологического музея отмечен, как выполнивший обработку большого количества материалов, собранных им во время командировки в Армению, а также он явился техническим редактором двух сборников работ музея (Том «1924–1928», с. 375). В 1928 г. Парамонов находился в научной командировке в Берлинском зоологическом музее (Том «1924–1928», с. 504). И в том же году опубликовал 1 монографию и 1 статью (Том «1924–1928», с. 506). В 1930 г. в Академии наук проходила чистка научных рядов, о чем имеется протокол заседания. Под номером 19 в списке лиц не подавших свои трудовые листки и потому чистку не прошедших, указан С. Я. Парамонов (Том «1929–1933», с. 375). Насколько мы знаем, в том году он уже находился в Париже. В марте 1934 г. он вновь появляется в списках

⁹ Лесной С. Академик-путешественник П. К. Козлов. Из личных воспоминаний. Возрождение. № 165. Париж, 1965.

одной из комиссий АН Украины (Том «1934–1937», с. 393). В 1936 г. его утвердили в качестве ответственного редактора печатных материалов по Зоологическому музею (Том «1934–1937», с. 443). Позднее, в том же году, профессора Парамонова назначили главным редактором трехтомника «Фауна Украины» (Том «1934–1937», с. 446). В том же году назначили членом оргбюро по проведению конференции Института зообиологии (Том «1934–1937», с. 452). В 1939 г. проф. Парамонов присутствует на заседаниях Бюро биологических наук АН Украины в качестве заведующего Зоологическим музеем (Том «1938–1941», с. 186). На с. 393–394 того же тома помещена биография С. Я. Парамонова.

Возвращаясь к воспоминаниям Игоря де Рачевильц: *«Вместе с тем он жил и другой жизнью, жизнью писателя под именем Сергей Лесной. В основном он публиковался на тему истории Древней Руси и происхождения Руси. Будучи ярким антинорманистом (т. е. антигерманистом), он выступал против шведской школы норманизма, представленной тогда такими лингвистами, как проф. Б. Коллиндер (Björn Collinder, 1894–1983 – А.К.) из Уппсалы».*

В вышеприведенном отрывке де Рачевильц очень удачно соединил понятие антинорманиста и антигерманиста в лице С. Я. Парамонова. Эта его нетерпимость ко всему германскому, безусловно заметная в его исследованиях и выводах, на мой взгляд, не должна быть отделена от личных переживаний Парамонова, от жизненного опыта, от того, что пришлось ему пережить и претерпеть. Ведь в то же самое время он не был антиевропейцем, он уважал и любил Европу, но место и роль Германии в общеевропейском пространстве воспринимал своеобразно, воспринимал применительно лишь к России, что древней, что современной. В своей работе «Мы и наша древняя история» С. Лесной писал: *«Представление, что Россия по своей культуре страна азиатская или полуазиатская, лишено всяких оснований. История России – это история перемалывания азиатских культур и победоносного шествия культуры европейской в Азию. Носителями и внедрителями этой культуры в соответственной части Азии были и остались только русские. Разница в культуре Запада и России только кажущаяся, и, главным образом, основана на недостаточном знании России Западом. Удаленность, изолированность, громадность России создавали и создают на Западе представление, что Россия так же далека от Запада по сути своей, как Индия или Китай. Это коренная и трагическая ошибка для Запада»¹⁰.*

Не такой уж и ярый антизападник, как может показаться по некоторым его публикациям. Хотя определенная нелюбовь ко всему прогерманскому проявлялась у Парамонова не только в антинорманизме его исторических работ, но и в его прозе. Под псевдонимом С. Лесной он опубликовал «Дорожные встречи» (Париж, 1940) – небольшую книгу из четырех рассказов, соединенных вместе общей темой совместной поездки и общения в дороге: *«Я очень люблю дорожные встречи, особенно в поездах дальнего следования или на пароходах, совершающих продолжительные рейсы: почти каждая поездка приносит мне что-нибудь новое и интересное и оставляла в душе долгий след»* (с. 5). Позднее последовало продолжение данных рассказов – вновь книжка из четырех новелл с общим заголовком «Чертовщина под лысой горой» (Париж, 1952), где его герои вновь вместе едут в поезде и рассказывают любопытные вещи друг другу. Всякий раз сам автор без труда угадывается в одном из попутчиков, и именно по его антигерманскому настроению: *«Ведь, что ни изобрети, а немцы всегда претендуют, что изобрел-то на самом деле немец. Такая уж гениальная нация, между прочим, и по части... кражи изобретений, – не без ехидства заметил энтомолог... А вот в 1935 году один русский ученый, сейчас точно не помню фамилию, кажется Пономарев (столь созвучно Парамонову. – А.К.), напечатал в зоологическом журнале Украинской Академии наук обо всем этом...»* (с. 48) Конечно, на отношение Парамонова к немцам, столь открыто враждебное,

¹⁰ Лесной С. Мы и наша древняя история. Возрождение. № 113. Париж, 1961.

повлияли и личные обстоятельства, и условия войны, как я уже упоминал выше. «О, как я ненавижу войну!» – восклицает его герой в другом рассказе.

В своем приближении России к Европе С. Лесной много исследовал и историю развития других славянских народов, приходя к выводу, что и она была очень часто искажена, и что «в истории других славян немало бед наделано норманистами». Например, по его мнению, это напрямую касается истории Болгарии, о чем он пишет в книге «Пересмотр основ истории славян» (Мельбурн, 1956). В другой статье, о русско-польских отношениях¹¹, С. Лесной, в том числе, обращается к извечному философскому вопросу о характере русской души: «В русском народе есть много отрицательных черт: пьянство, воровство, “матерщина”, как отражение грубости, невежество, бедность и т. д. Но не следует забывать, что эти черты не врожденные, а созданные условиями. Это фаза развития, которую многие западноевропейские народы уже давно прошли, ибо жили в несравненно лучших условиях. Будет величайшей несправедливостью ставить в вину русскому то, что он отстал на 300 лет из-за татарского ига. Разве можно сравнивать свободное развитие западноевропейца и развитие раба под пятой монголов? И разве эти русские не догнали во многих отношениях Европу?..»

Таким образом, видно, что Лесной не является безумным славянофилом в своем упоении Русью, а вдумчиво соотносит уровни и возможности развития народов. И в равной мере любит Европу с ее культурой и развитием, как и Россию с ее своеобразным характером.

«Как ученый он был сторонник теории эволюции, но имел свои возражения по Дарвиновской теории, в частности, по идее выживания сильнейшего. Также интересовался паранормальными явлениями, такими как полтергейст, НЛЮ, сверхспособности человека, и мог многое рассказать об этом».

Его тяга к подобным происшествиям нашла свое отражение в одноименном рассказе в сборнике «Чертовщина под Лысой горой» (Париж, 1952). Хотя произведение – литературное, но стиль и манера изложения напоминают научно-популярные публикации для юношества в советских журналах «Наука и жизнь», «Знание – сила», «Техника – молодежи»: «Верить или не верить? Вот вопрос, который каждый ставит перед собой при столкновении с подобными фактами. Решения пока нет: не доросли. Думается, что первый рассказчик более прав – надо терпеливо ждать и собирать строго проверенные факты, рано или поздно, а кто-то найдет нить Ариадны, которая и выведет из лабиринта. Но как хочется, чтобы это случилось еще при нашей жизни!» (с. 29).

Снова вспоминает Игорь де Рачевильц: «К тому же Парамонов увлекался русскими сказками и сказаниями, народной литературой. В особенности ему нравилась сказка “Конек-Горбунок”, материалы о которой он собирал (также и из России) для нового полного переиздания».

К 130-летию «Конька-Горбунка» С. Лесной пишет статью об этом замечательном произведении: «...наш грех, что мы только читаем “Конька”, но его не изучаем, хотя он заслуживает, как образец, гораздо более внимания, чем некоторые авторы, вошедшие в курс русской литературы... народ любит Иванушку прежде всего потому, что он видит в нем самого себя. Одно имя уже говорит за то, что речь идет тут о чем-то общем, типичном, объединяющем множество. В характеристике действующих лиц в “Коньке” есть порядочно от балагана, намеренного упрощенчества... Особенно хорош язык сказки: яркий, образный, необыкновенно красивый. Ершов орудует им, как совершеннейший артист... Чудесные выражения рассыпаны по всей сказке... Какая яркость, простота и смелость в этом новотворчестве... Как пример – “жароптицево перо”, “уши взагрести берет”, “дело мешкотно творится”, “вдруг приходит дьявол сам, с бороною, и с усам”, “у старинушки три сына”... Ершов писал другие свои произведения, подражая бледному стилю ложноклассицизма. Он не понял своего таланта, он был силен

¹¹ Возрождение. № 116. Париж, август 1961.

своей близостью к народу, только благодаря этому он мог дать такую тонкую, изумительную вещь, которая переживет века. Оторвавшись от народа, Еришов оказался только жалкой посредственностью. И не нашлось никого, кто указал бы ему правильный путь»¹². Лесной намеревался переиздать раннее лубочное издание «Конька-Горбунка», т. к. более поздние редакторские правки, по его мнению, сильно исказили, упростили и чуть ли не уничтожили памятник русской словесности. А его примечания, что «народ любит Иванушку прежде всего потому, что он видит в нем самого себя», так перекликаются с исследованиями по русской сказке В. Я. Проппа и очерком «Иван-дурак» А. Д. Синявского.

«Парамонов любил море и воду, часто проводил летнее время в общественном бассейне Канберры, обучая плаванию детей. Он был хорошим рассказчиком и любил шутку, сам умел подшутить. В последние годы жизни пользовался тростью, т. к. его ноги стали слабы, а он был очень больших габаритов. Был очень радушен и общителен, открыт каждому, всегда готов слушать и помогать, с замечательным чувством юмора и изысканными манерами. Фактически со временем он стал душой общества. У него были друзья в местной украинской диаспоре, но частенько с ними вступал в споры, т. к. не являлся украинским националистом и вообще чуждался любого вида национализма. Был истинным джентльменом старой формации и глубоко уважаем среди его коллег, сотрудников и соседей по Университетскому Дому».

О его открытости и любви к шутке также упоминается и в книге об истории Университетского Дома: *«Парамонова хорошо знали по его шуткам, которые исходили от его хорошего настроения и доброго сердца. Как-то, вернувшись из поездки на Остров Лорда Хоува (Lord Howe Island), он привез с собой редкий экземпляр древесного гриба, и, конечно, пригласил сотрудников к себе домой, чтобы показать его. В том числе, пригласил совсем юных девушек. Когда все собрались у него, то Сергей Яковлевич встретил их словами: “Прошу прощения, но попрошу вас пройти в мою спальню”. Точно зная, что от него невозможно ожидать никакого грубого подвоха, все последовали в темную, с закрытыми ставнями, спальню, где на кровати возвышалась коробка. С большим пиететом Парамонов приподнял верхнюю часть и осторожно вынул оттуда гриб, который ярко светился в кромешной темноте»*¹³.

Об этом времени вспоминает и доктор Ольга Гостина из Университета Южной Австралии: *«...Я была знакома с С. Я. Парамоновым в то время когда училась в аспирантуре в Австралийском национальном университете в 1963–1967 годах. Наше знакомство состоялось довольно банально, когда мы вместе обедали в университетском кампусе и говорили обо всем подряд, за исключением его семьи или его родных, оставшихся на Украине. Вероятно, это было мое упущение не поинтересоваться таковым – мой русский язык тогда был значительно хуже, чем сейчас (в особенности до того, как мы вместе с мужем провели по обмену целый год в МГУ в 1968–1969 гг.). Мы с Сергеем Яковлевичем иногда говорили по-французски, который был моим первым, родным языком. В иных случаях говорили по-русски или на ломаном английском. После того обеда, когда мы познакомились, раз в неделю или около того Сергей Яковлевич приглашал меня к себе в комнату (он жил рядом, в Университетском Доме. – А.К.) и мы очень интересно беседовали. Он обладал удивительными знаниями в биологии, зоологии, рассказывал о насекомых и показывал некоторые новенькие экземпляры. Иногда он также играл мне на пианино, которое находилось в его комнате, что-то пел... К сожалению, я не знала тогда так хорошо русский и украинский фольклор, чтобы оценить его пение» (из переписки с О. Гостиной, перевод с английского А.К.).*

Чрезвычайная разносторонность, интерес ко многим аспектам жизни, литературы, творчества, общения характеризовали Сергея Яковлевича. Помимо научных работ на иностранных языках он писал и по-русски, и публиковался в русской периодике Зарубежья, с изло-

¹² Возрождение. № 153. Париж, сентябрь 1964.

¹³ Jill Waterhouse. University House. As They Experienced It. History 1954–2004. The ANU, Canberra, 2004. Chapter 18. p. 212.

жением для читателя разумного, но мало подготовленного, с уклоном в научно-популярный стиль («Эволюция в биологии и ее суть»). Интересовали его и проблемы русского языкознания, лингвистики, о чем он также неоднократно высказывался («Бедный русский язык», «К юбилею Демьяна Бедного», «Из забытых рассказов И. Ф. Горбунова»). Также он говорил о языкознании и развитии речи у детей (на примере книги К. Чуковского «От двух до пяти»): *«Детские неологизмы имеют право не только на существование, но это обогащение русского языка. И к тому же поощрительная детская инициатива, призванная служить к их всестороннему развитию».*

Вкратце коснусь и поэзии С. Лесного. Он выпустил только две тоненькие книжки своей лирики (по 60 с. в каждой). В лучших традициях Фета, Тютчева, Есенина любит он окружающую красотой природы, легкими дуновениями ветерка, колыханием травы, изгибами рек и прозрачностью озер. Благодаря многочисленным переездам, командировкам и биологическим изысканиям он проехал от Коломбо до Вологды и от Кушки (в Туркмении) до Геттингена. И всюду в качестве зарисовок он лирически воспроизводил местность, находил в ней особенные узоры и характер. Вел душевные беседы. («Учись у них – у дуба, у березы». А. А. Фет.) Особенно много стихов в сборнике «Песни природы» (Париж, 1948) посвящены родной Бессарабии, где он вырос («Забылось все, как в ярком детском сне»), где заканчивал школу, и куда после университета приехал первым делом.

Спокойны чувства. Сердце спит.
Мне ничего не жаль.
Кругом сосновый лес шумит.
Ушла моя печаль...
(У опушки леса)

Здесь, в жилье, мне тяжело, тесно.
Степь родная, где ты?
Неужели воли песни
До конца пропеты?
(Степь)

Но и в новой, не знакомой его взгляду природе Лесной находил своеобразие и очарование. Достаточно прочесть его воспоминание о трех поездках в Армению, о пустыне Кара-Кум или о зимней Вологодчине:

Ветвями длинными поникли до земли
Под снега тяжестью раскидистые ели
И думают в тиши. И алые клесты
На них, ища семян, веселой стайкой сели.
(Зима)

Даже своим постоянным научным спутникам – двукрылым мухам – он посвятил стихотворение, в котором виден его восторг, его радость общения с ними («А я гляжу на вас с счастливою душой, О дети воздуха и солнца!»). Беспокойный буйный нрав исследователя, путешественника отмечали его знакомые и друзья. Сам он об этом так говорит в стихотворении «Буря»:

Не укрыться в заливе я буду искать, —
А хочу поразмять свои силы.

Брось же, море, сюда своих воинов рать,
Двинь ко мне твои, буря, порывы!

Не правда ли напоминает тютчевское «И море, и буря качали наш челн»? А свои исторические изыскания С. Лесной невольно выражает в стихотворении «В пустыне Кара-Кум»:

И весь охвачен я стремлением к познанию.
Крупницу истины так хочется найти!
Что принесет она? Что даст для пониманья
Нам свыше данного откуда-то пути?..

И хотя он понимал, что «не каждый человек, владеющий литературным слогом, является писателем, – писатель тот, кто еще вдобавок видит, чувствует и понимает больше, чем толпа, он ей показывает, он ей разъясняет, это он своим талантом стоит выше толпы головой. Если бы это было иначе, то Горьких и Толстых нанимали бы на бирже труда» («Чертовщина под Лысой горой»), тем не менее он писал и поэзию, и прозу, и очерки. Писал искренне, и именно этой естественностью и искренностью своей столь интересен и своеобразен:

Пусть скромн голос мой, мне нечего стыдиться,
Средь истинных певцов хоть выступаю я, —
В симфонии лесной и голос воробья
Какой-то ноткою наверно пригодится.

«Лесной был метким, нередко страстным полемистом. В далекой Австралии, в благоустроенном бунгало, среди экзотических птиц, летающих в саду на свободе, и сказочной красоты диких цветов, жил человек, корнями своими оставшийся в России далекого прошлого. Молодым ученым он объездил российскую глушь, знал и устье Днестра, и Уральские ущелья»¹⁴.

Под конец жизни, уже, казалось бы, завершив свой основной труд «Историю руссов в неизвращенном виде», Сергей Лесной не ослабевал натиск на норманистов, и продолжал публиковать статьи к обсуждению тех или иных аспектов своей теории и своих выводов. В основном публиковался в многократно упоминавшемся журнале «Возрождение», выходившем в Париже под ред. князя С. С. Оболенского и Я. Н. Горбова. Порядка 30 статей удалось обнаружить в данном издании на указанную тему. Выходили его материалы и в австралийской русской периодике. Скажем, в журнале «Богатыри» (под ред. Г. А. Кизило. Сидней, 1955). И, разумеется, в издании «Жар-птица» (под ред. Ю. П. Миролюбова, Сан-Франциско, 1947–1968). В 1952 г., незадолго до эмиграции в США, Миролюбов сообщил об обнаружении «древних дощечек», названных впоследствии «Влесовой книгой», ее первую публикацию он вместе с Ал. Куром осуществил в 1953–1957 гг. Большинство исследователей из числа тех, которые считают «Влесову книгу» подложной, приписывают её авторство именно Миролюбову. Лесной неоднократно вступал с Ал. Куром в дискуссию по «Влесовой книге» и ее расшифровке. И именно на страницах «Жар-птицы». Писавший под псевдонимом Ал. Кур – Александр Александрович Куренков (1891–1971) – историк-этимолог, также увлекавшийся языкознанием и владевший древними языками, был деятельным участником различных антикоммунистических и монархических ассоциаций, издателем-редактором газеты «Вестник правды» (Сан-Франциско, 1963–1968). Доктор психологии (1947) и георгиевский кавалер, он стал известен в русском зарубежье именно благодаря своим публикациям на тему «Влесовой книги».

---

¹⁴ О. де Клапье. Памяти Лесного. Возрождение. № 193. Париж, январь 1968.

И несомненно Парамонов продолжал бы «сражаться» на тему норманизма в русской истории. И наверняка закончил бы свою книгу по истории других славянских народов. Но, к сожалению, здоровье уже не позволяло.

«Единственный брат С.Я. Парамонова жил в Лондоне и потому не было никого из родных в Канберре, кто мог бы о нем позаботиться. К концу его жизни, когда пребывание в больнице стало для ученого привычным, директор Университетского Дома Дэйл Трендэлл (Dale Trendall), и особенно, его секретарь Мауса Педерсон (Mousa Pederson), работники дома и ученые-коллеги часто навещали Парамонова и присматривали за ним. Однако, г-н Трендэлл был против, чтобы Парамонов скончался в Университетском Доме. Сам же Сергей Яковлевич не хотел умирать в больнице. Компромисс явился сам собой, когда Парамонов впал в кому и был перевезен в местную столичную больницу неподалеку»¹⁵.

Как вспоминают его друзья, С.Я. Парамонов не был религиозным человеком, но время от времени посещал и поддерживал материально Украинскую (православную) автокефальную церковь, т. к., по его мнению, именно она являлась наиболее близкой по традициям и языку к древней славянской культуре. В частности, в свое время он пожертвовал средства на строительство местной украинской церкви в Канберре и, потому, когда он скончался 22 сентября 1967 г., отпевание по нему проходило именно в этой церкви. Профессор Сергей Яковлевич Парамонов (Лесной) был погребен 26 сентября на местном кладбище Воден (Woden Cemetery) на участке под номером AN/H/V/308.

Соглашусь с О. де Клапье, которая в некрологе по С. Я. Парамонову писала: *«Лучшим венком на его могилу будет внимание русских читателей к его трудам».*

И закончить свою публикацию хотел бы словами самого Сергея Яковлевича, характеризующими его философский взгляд как на историю, так и день сегодняшний.

«Недоучитывание прошлого – это чрезвычайно частая, но вместе с тем и грубая ошибка. Мы все живем больше будущим, всегда в устремлении к “завтра”, даже не используя, как следует, наше “сегодня”. Наше же “вчера” отходит быстро в тень, а то и вовсе исчезает. Между тем каждое “сегодня” есть только следствие “вчера” и причина “завтра”.

В этой непрерывной цепи каждое «сегодня» есть сумма тысяч и тысяч “вчера”, сумма труда и жизни многих поколений. Никакое “вчера” не исчезает бесследно, оно ступень к настоящему “сегодня”»¹⁶.

Андрей Кравцов.

---

¹⁵ Jill Waterhouse. University House. As They Experienced It. History 1954–2004. The ANU, Canberra, 2004. Chapter 18. p. 212.

¹⁶ Лесной С. Мы и наша древняя история. Возрождение. № 113. Париж, май 1961.

Часть I

От автора

Данный труд является не только попыткой переоценки истории древних «руссов», не только призывом к усиленной работе в этой запущенной историками области, но и апелляцией к общественному мнению.

Автор указывает на необходимость справедливости в отношении наших предков; не найдя ее у историков, он предлагает на суд общества ряд фактов и соображений, показывающих, что историки извратили наше прошлое.

Как во всяком разбирательстве, первое место прежде всего фактам, а не чувствам. Да не посетует читатель, если он столкнется с длинными цитатами или пересказом греческих, латинских или иных авторов.

Это необходимо не только для доказательности наших выводов, но и потому, что многое появляется впервые в книге, написанной по-русски, до сих же пор оно являлось достоянием иностранных и большей частью редких книг.

Мы старались по мере возможности всюду использовать первоисточники, т. е. представить на суд факты, а не домыслы историков, – если кого-то обвинять, то надо иметь достаточно солидные основания.

Да не подумает читатель, что рассмотрение чего-то, что случилось тысячу и более лет тому назад, не имеет цены, наоборот, – если люди не находят в себе достаточно объективности, правды в отношении того, что было 1000 лет тому назад, что мы можем ожидать от них в оценке недавнего прошлого или современных событий?

Таким образом, подобный анализ является пробным камнем для историков. Спор о том, что представляла Древняя Русь, это не академический, далекий от жизни спор, – это испытание доброкачественности работы известной группы лиц, которым общество доверило специальную отрасль знания. Вместе с тем это и указание на гражданское лицо этой группы. Иначе говоря, разбор дела вскрывает их лицо не только как профессиональных работников, но и их моральный облик как граждан.

Перед историками были факты истории, они судили их, и, мы увидим ниже, что это был «Шемякин суд». Да не поймут нас неверно, что, мол, мы огульно обвиняем всех историков, – это не так, среди них было довольно много и таких, которые в разных местах, и давно, и в нынешнее время высказывали совершенно правильные мысли, но верно также и то, что мы учили, учим и, вероятно, еще долго будем учить не историю, а бредни, навязанные нам основоположниками нашей истории шовинистами-немцами, либо католическующими ренегатами, либо людьми, «верноподданнически» интересующимися прежде всего своим личным благосостоянием.

Наша древняя история – это кривое зеркало прошлого, обязанное своим существованием прежде всего угодничеству перед сильными мира сего. Неужели даже через 1000 лет нельзя сказать правды?

В этом труде мною горьких упреков и обидных слов по адресу историков. Да не подумает читатель, что это результат каких-то личных столкновений с историками, что, мол, кто-то из них наступил нам на любимую мозоль, и мы сводим счеты.

За всю нашу достаточно продолжительную жизнь мы не имели стычек с историками уже в силу нашей специальности натуралиста, а с единственным историком, с которым мы «поцарапались», у нас такие отношения, что он правил даже корректуру нашей статьи, направленной против него же.

Наоборот, именно потому, что у нас нет никаких личных отношений с историками, мы и имеем возможность высказать свое откровенное и неллицеприятное мнение.

Мы заранее предвидим возражение: что, мол, понимает натуралист в нашем деле? Ответом будет материал этой работы: большинство фактов было известно историкам, а как они их осветили?

Если мы решаемся выступить против целой корпорации, упрекая ее в ложности метода исследования, то не только потому, что убеждены в силе наших доводов, но и потому, что в оценке историков находим огромной силы союзника. Этот союзник – Н. В. Гоголь.

Никто не может отрицать, что Гоголь был не только глубоким аналитиком, т. е. умел разлагать факты на тончайшие детали, но и блестящим синтетиком, – он умел из груды мелочей выбрать немногое, но такое, что отражало все единство их в самой краткой и совершенной форме. Он умел находить «квинтэссенцию».

В нашей работе мы показываем ложность метода историков, работающих большей частью под влиянием «вдохновения», а отсюда, как результат, легковесность и ошибочность их выводов.

Это же самое необыкновенно выпукло показано Гоголем в «Мертвых душах». Мы позволим себе привести отрывок, касающийся «дамы, приятной во всех отношениях».

«Она не умела лгать: предположить что-нибудь, – это другое дело, но и то в таком случае, когда предположение основывалось на внутреннем убеждении; если ж было почувствовано внутреннее убеждение, тогда умела она постоять за себя, и попробовал бы какой-нибудь дока-адвокат, славящийся даром побеждать чужие мнения, попробовал бы он состязаться здесь, увидел бы он, что значит, внутреннее убеждение. (Поэтому-то автор и обращается с этой работой не столько к историкам, сколько к публике. – С.Л.)

Что обе дамы наконец решительно убедились в том, что прежде предположили только как одно предположение, в этом нет ничего необыкновенного.

Наша братия, народ умный, как мы называем себя, поступает почти так же, и доказательством служат наши ученые рассуждения.

Сперва ученый подъезжает в них необыкновенным подлезом, начинает робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом: не оттуда ли? не из того ли угла получила имя такая-то страна? Или: не принадлежит ли этот документ к другому, позднему времени? Или: не нужно ли под этим народом разуметь вот какой народ?

Цитирует немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь намек или, просто, показалось ему намеком, – уж он получает рысь и бодрится, разговаривает с древними писателями запросто, задает им вопросы и сам даже отвечает за них, позабывая вовсе о том, что начал робкими предположениями: ему уже кажется, что он это видит, что это ясно – рассуждение заключено словами: так вот какой народ нужно разуметь, так вот с какой точки нужно смотреть на предмет! Потом во всеуслышание с кафедры, – и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников».

Увы! Ирония, даже сарказм Гоголя оказались втуне: и по сей день метод рассуждения историков совпадает с методом рассуждения «дамы, приятной во всех отношениях». Их метод – это метод оценки всего под углом «внутреннего убеждения». Перед ними лежат безукоризненные документы эпохи, гласящие противное, но... тем хуже для фактов.

Не следует забывать, что Гоголь был не только гениальным писателем, но и что-то понимал в истории, – ведь он преподавал историю в Петербургском университете. Значит, если он и не знал истории до тонкостей, то во всяком случае узнал историков. Самое замечательное то, что в приведенном отрывке, в вопросах, совершенно ясно чувствуется, что Гоголь имеет в виду именно спор о происхождении Руси.

Остается еще сказать, почему мы назвали нашу работу «Историей руссов», а не «Историей России» или «Историей домонгольской Руси» и т. д. Потому, что на этот период претендуют три народа: русский, украинский и белорусский. «Руссы» же были ни теми, ни другими, ни третьими, они были предками указанных народов, поэтому мы и оставляем за ними их особое имя.

Мы в одинаковой степени не можем принять, например, Владимира Великого в образе субъекта в лаптях, с жиденькой бородкой, говорящего: «Таперича, апосля того, как мы ахрестимшись, магем и щей похлябать!», либо в образе здорового чернявого казака в широченных шароварах и с «таблюкою» сбоку, говорящего: «Хай их мама мордуе, такы охрестывся, давай, Горпыно, варэнькив!»

Если так трактовать историю, то можно утверждать, что итальянский император Нерон сжег Рим или что израильский президент Соломон построил в древности замечательный храм. Искажать правильную перспективу истории нельзя.

Мы сделали попытку подойти к решению многих вопросов без религиозных, национальных, политических или иных предубеждений, мы стремились только найти достоверные факты и логически, беспристрастно оценить их.

Чтобы обеспечить труд от всякого давления со стороны и сделать его совершенно независимым, мы предпочли опубликовать его на собственные средства.

Конечно, его опубликование не принесет нам ни славы, ни денег (ибо выпуск книжки таким малым тиражом – чистый убыток), но мы делаем это из основного, самого дорогого в нашей жизни стремления – стремления к правде и прежде всего к научной истине.

Разумеется, этим выпуском автор не может исчерпать даже основных фактов в правильном освещении, автор надеется осветить их в дальнейших выпусках, появление на свет которых будет в значительной мере зависеть от того, как примет читатель предлагаемый выпуск.

1. О первой странице истории руссов

Первый русский летописец, опираясь на чрезвычайно скудные сведения греческих источников, все же был прав, приняв первый поход «руссов» на Царьград за исходный пункт русской истории.

Именно с этого момента «начая прозывати», т. е. стала известна Русь, как государство большого значения; на арене мировой истории появился новый фактор.

Первая страница русской истории является в то же время страницей несмываемого позора русской исторической науки. Последняя существует уже почти 200 лет, но до сих пор ее первая, исходная, особо важная страница не только не изучена достаточно, но представлена широким массам в совершенно извращенном виде.

До сих пор не установлено точно, состоялся ли поход в 860 или в 865 году, или эти обе даты, принимаемые самыми авторитетными историками, неверны. Не установлено, нападали ли на Царьград славяне Киевской Руси, или разбойники-норманны. Не выяснено, были ли Аскольд и Дир вождями этого похода, или их имена приурочены к походу только народным преданием, на деле же вождями были другие лица. Не доказано, окончательно была ли Русь разгромлена, как об этом говорят русские летописи, или, наоборот, Русь вернулась с триумфом, как дословно утверждают иностранные источники.

Остаются туманными и другие подробности этого замечательного похода, хотя и сохранные различными источниками, но критически не сопоставленные.

Если бы у нас не было точных, надежных исторических данных, то мы, конечно, вынуждены были бы ограничиться сведениями полулегендарного, а частично безусловно ошибочного характера, находящимися в русской летописи.

На деле это не так – мы имеем совершенно точные сведения, что события похода имели вовсе иное течение, сам он носил иной характер, и анализ событий приводит к заключениям, коренным образом отличающимся от выводов наших официальных историков.

Все историки изображают поход руссов на Царьград, как разбойничий набег скандинавов из Киева под руководством Аскольда и Дира (об уклоняющихся взглядах, представленных незначительным меньшинством, мы здесь не говорим). Это перешло во все учебники, начиная с низшей и кончая высшей школой. То же (что особенно важно) мы находим и во всех иностранных источниках.

Если мы откроем, например, «Encyclopaedia Britannica», то найдем, что в 865 году состоялась «первая грабительская экспедиция» («the first pillage expedition») руссов на Византию. Никто из наших историков против подобных утверждений не возражал, не протестовал, и, следовательно, всякий солидаризировался с ними. Если и раздавались отдельные слабые голоса против, то они тонули в общей массе, исповедовавшей тезис грабительского нападения. На деле же против этого тезиса надо было не только возражать, спорить, но и протестовать и даже более – бунтовать.

Речь идет не о каком-либо пустяке, а об основе русской государственности, речь идет не о каком-то спорном предмете, на который один может смотреть так, а другой иначе.

Ведь в действительности было нечто совершенно иное: **не разбойничья шайка норманнов явилась внезапно под стены Царьграда для грабежа, а организованная государственная сила руссов-славян, чтобы заставить уважать свои пограничные права международного характера.**

Руссы явились отомстить за смерть своих соплеменников, убитых из-за грошового денежного дела, и за то что их справедливые требования о наказании виновников-греков не были удовлетворены.

Поэтому-то они и явились под стены столицы, т. е. отомстить именно тем, кто был виноват в злодеянии. Если бы дело шло просто о грабеже, то проще, легче и безопаснее было бы напасть на греческое побережье, а не на столицу империи.

Поэтому-то руссы, как мстители, и проявили невероятную жестокость, уничтожая все живое и разрушая и сжигая все, что только можно было истребить.

Мы отнюдь не собираемся изображать наших предков в роли рыцарей без страха и упрека, и полагаем, что при организации этой карательной экспедиции соображения о грабеже играли немалую роль, однако все свидетельствует в пользу того, что поход имел своей главной целью месть.

Не получая законного удовлетворения, руссы решили получить его силой сами. И получили, да еще в какой мере!

Они нанесли грекам колоссальный урон людьми и всяческим добром (подробности дальше), они привели Царьград в состояние полнейшей паники, когда жители его до того растерялись, что не думали уже о защите, а только молились; они внушили грекам страх и заставили с собой впредь считаться.

Так как это была месть, карательная экспедиция, а не война, то руссы и удалились без всякой видимой причины, решив, очевидно, что показательный урок грекам достаточно хорош.

Все это мы узнаем из **греческих источников**, которые, естественно, имели тенденцию выставить **себя** в лучшем свете. Если же свидетельство их в пользу руссов, значит, устами их гласит сама истина.

Имеется обстоятельство, придающее особую ценность греческим сведениям: они сообщены патриархом Фотием, вторым после императора лицом в Византии, очевидцем событий и осведомленным обо всем, разумеется, самым лучшим образом, ибо в отсутствии императора был самым главным лицом в Царьграде.

Таким образом, мы имеем дело с весьма редким в истории случаем, когда данные сообщаются известным, чрезвычайно авторитетным лицом и к тому же ученым, прямо из первых рук, очевидцем событий и в весьма скором времени после окончания их. Некоторые сведения сообщались буквально в момент действия, ибо речи Фотия были частью совершавшихся событий.

Такой источник сведений является едва ли не единственным, ибо большинство хроник и летописей – передача сведений неизвестных лиц через вторые и третьи руки. Имея такой золотой материал, русские историки, казалось бы, должны были использовать его самым тщательным образом, и всесторонне. Что же они сделали?

Вместо того, чтобы взять эти сведения в основу, дополнить их из других источников, проверить, подвергнуть перекрестному допросу и т. д., – они взяли в основу данные русского летописца.

Но эти данные представляют собой почти слово в слово переписанное известие из продолжателя хроники Георгия Амартола, известие крайне краткое и полуфантастическое, написанное к тому же значительно позже происшедших событий.

Нам понятен первый русский монах-летописец, выписавший из греческого источника все, что он только мог найти о походе руссов на Царьград, но нам вовсе непонятны соображения дальнейших русских историков, отбросивших в сторону гораздо более полные, точные и авторитетные сведения **о том же** событии.

Вышло так, как будто историческая наука приблизительно с 1114 года, когда писалась летопись, не сделала решительно никаких успехов, а между тем источник сведений был доступен уже в печатном виде по крайней мере с 1860 года, когда он был опубликован в переводе на латинский язык. В 1864 году появился перевод с греческого на русский, затем в 1870 и 1894 годах вышли в свет работы, бросающие дополнительный свет на события. Все эти труды, однако, не возымели действия.

Русские историки, по-видимому, вовсе не интересовались тем, что сохранила история в источниках **других** народов о руссах. Казалось бы, видя бедность, подчас чрезвычайную тенденциозность русской летописи, следовало узнать истину из чужеземных источников, этим пренебрегли.

Такая методика наших историков совершенно непростительна, более того – возмутительна. Если упускать из виду **первоисточники** безукоризненной ценности, опубликованные почти 90 лет назад, если быть глухим к голосу логики, звучащему из огромного количества достоверных источников, то лучше оставить университетскую кафедру и пойти по иному пути, где не требуется никакой ответственности и где личная блажь пользуется достаточным почетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.